

И С Т О Р И Я

ВЛИЯНИЕ НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ КОЛОНИАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII вв.

С.Ю. Волков

Нижегородский государственный университет

Интерес к Нидерландской революции в аспекте ее влияния на колониальную политику вызван, прежде всего, взаимозависимостью и взаимообусловленностью экономического взлета республики Соединенных провинций под властью купеческой олигархии, с одной стороны, и форсированного освоения заморских владений европейских государств, с другой. Маленькое прибрежное государство, с трудом отвоёвывающее у океана клочки суши, не имело бы шансов освободиться от испанского владычества и быстро стать мировым лидером торговли и кредита иначе как на прочном фундаменте мореплавания и эксплуатации колониальных богатств. Голландское «экономическое чудо» раннего Нового времени, поразившее воображение как современников, так и историков, стало практическим подтверждением эффективности не сдерживаемой бюрократическими препонами частнопредпринимательской инициативы.

Именно в сфере судостроения, мореходства и рыболовства лежал центр тяжести экономики лидирующих провинций Нидерландов — Голландии и Зеландии, тогда как по объемам промышленного производства Голландия, например, стояла лишь на 6-м месте среди прочих провинций (около 2 млн. гульденов) [1]. А.Н. Чистозвонов приводит данные Лодовико Гвиччардини об объемах внешней торговли Нидерландов в середине XVI в.: импорт — 20–22 млн. гульденов, экспорт — 16 млн., указывая, что цифры в отношении экспорта скорее всего занижены, ибо в целом баланс был уравновешенным или с небольшим активом [2]. Но, так или иначе, для страны с населением в 2–2,5 млн. человек это на то время высочайший показатель.

Разумеется, генезис новых хозяйственных отношений происходил постепенно и элементы феодализма играли заметную роль в социально-экономической и политической жизни республики. Процесс первоначального накопления оказался растянутым по времени, что также во многом определяло специфику Нидерландской революции. Экономические уклады бытовали одновременно, итогом чего становилась особая острота внутренних конфликтов и космополитичность влиятельных купеческих слоев, интересы которых далеко не всегда совпадали с общегосударственными. Давая общую характеристику Нидерландской революции, крупнейший отечественный специалист в данном вопросе А.Н. Чистозвонов выделяет ее особенности в ряду других революций Нового времени: «Это была ранняя буржуазная по своему объективному содержанию революция, спонтанная в том смысле, что она не испытала внешнего влияния со стороны более развитых форм капитализма, происходившая при отсутствии сложившейся мировой системы капитализма и незрелости буржуазных отношений внутри страны; ускоренная фактом политического господства реакционной Испании; взявшая в качестве идеологического знамени прогрессивную для того времени религиозную систему кальвинизма и принявшая форму религиозной войны» [3].

Существенным моментом является обоснование борьбы голландского торгового капитала за колониальные владения и свободу морей в виде философских и политических трактатов, ставших базой для формирования принципиально иных,

чем феодальные, международных отношений. Так, голландский юрист, основатель науки международного права Гуго Гроций в трактатах «Свободное море или о праве голландцев на индийскую торговлю» и «Три книги о праве войны и мира» вывел теоретические положения дипломатии Нового времени, отошедшей от средневековой схоластики и насилия в пользу рационализма и правовой обоснованности действий [4].

Содержание трактата «Свободное море...», ставшего апологией голландской колониальной экспансии в Ост-Индии, отражает сущность международно-правовых проблем в начале XVII в. Сначала автор анализирует возможные основания португальской монополии на индийскую торговлю. Он констатирует, что судоходство по праву народов свободно между любыми странами и права собственности у лузитан (португальцев) по отношению к индийцам не существует: ни по праву открытия, ни по праву папского дарения, ни по праву войны. Точно так же море на пути к индийцам и право плавания туда не являются собственностью лузитан ни как завладение, ни как папское дарение, ни по давности (обычаю). Торговля и судоходство по праву народов свободны между кем угодно, значит, торговля с индийцами не может быть собственностью лузитан. Следовательно, запрещая торговлю остальным, они не опираются ни на какое справедливое основание, а батавы (голландцы) должны сохранять по титулу открытия право индийской торговли как во время мира, так и во время перемирия и войны [5].

Преимущества республики Соединенных провинций перед соседними феодальными государствами сказывались и в гуманитарной сфере, что имело зачастую неожиданные экономические результаты. В начале XVII в. эта страна стала убежищем всех инакомыслящих Европы, так как предоставляла максимальную по тому времени свободу совести и мысли (хотя к занятию государственных должностей их все же не допускали), а потому бежавшие из Испании и Португалии в период гонений Филиппа II евреи стекались сюда, привнося значительные капиталы в развитие голландского (в том числе колониального) хозяйства [6].

Двенадцатилетнее перемирие 9 апреля 1609 г. знаменовало официальное признание республики Соединенных провинций в качестве независимого государства, что существенно сказалось на участии голландцев в разделе заморских территорий. «Успех буржуазной революции и войны за независимость в республике Соединенных провинций освободил производительные силы страны от большей части тех пут, которые их сковывали в период испанского господства. Несмотря на все тяготы и разрушения войны, экономика Соединенных провинций быстро расцветала на основе развития капиталистических производственных отношений» [7]. Мощная экономика республики, ориентированная прежде всего на внешнюю торговлю, требовала постоянного притока товаров, причем, занимаясь посреднической деятельностью, голландцы, естественно, предпочитали их брать из первых рук. Наибольшую выгоду от перепродажи приносили заокеанские товары (пряности, драгоценности и т. д.), но здесь интересы республики неизбежно сталкивались с противодействием тех государств, которые обзавелись колониями раньше.

Образование новых хозяйственно-политических отношений в Европе, начавшееся в период позднего Средневековья, получило в виде Великих географических открытий и первых колониальных захватов серьезный стимул. Расширялись мировые торговые связи, укреплялись товарно-денежные отношения, главные торговые пути перемещались из районов Средиземноморья и Балтики к побережью Атлантического океана. Ведущую роль в международных отношениях стали играть государства, имеющие непосредственный выход к Атлантике: Португалия, Испания, Нидерланды, Англия, Франция. «В их внешней политике главную роль играли интересы династического порядка и хищнические устремления феодального дворянства, но все больше усиливала свое влияние растущая буржуазия, заинтересованная в захвате новых рынков, приобретении колоний, обеспечении торгового преобладания своей страны. Основное содержание дипломатической деятельности европейских государств XVI–XVII вв. сводится к борьбе за торговое

и политическое преобладание. Успех в этой борьбе в большей или меньшей степени выпадает на долю тех стран, которые следуют по пути прогрессивного хозяйственного развития» [8].

Весьма показателен в данной ситуации пример голландского колониализма. В период первоначального раздела колоний Нидерланды являлись рядовым, хотя и богатым, вассальным владением сначала австрийских, а затем испанских Габсбургов и участвовать в колониальной конкуренции с Пиренейскими государствами, соответственно, не могли. Отсутствие колоний резко снижало их шансы как малой страны на достойное место в мировой торговле. Выгодное географическое расположение должно было реализоваться в экономической сфере: если в южной части Европы доминирующее положение занимают Испания и Португалия, то в северной части аналогичную роль должны играть Англия и Нидерланды, которые к тому же контролируют нижнее течение трех крупных европейских рек — Рейна, Мааса и Шельды, становятся центром посреднической торговли. Уже в середине XVI в. голландцы снабжали Испанию и Португалию хлебом из Прибалтики, лесом из Норвегии, собственными товарами — сыром, сельдью, полотном, импортируя масло, соль, вино, фрукты, пряности [9]. Таким образом, в торговле колониальными товарами во второй половине XVI в. Нидерланды в основном сотрудничали с Испанией и, особенно, с Португалией: товары из колоний стекались в Лиссабон, откуда голландцы распространяли их по всей Европе. Но испанское владычество сковывало экономическую инициативу богатого купечества, что вызывало возмущение, нашедшее выход в форме конфессиональной борьбы. Так начиналась революция 1566–1609 гг., во многом изменившая распределение колоний между европейскими странами.

Ключевым моментом следует считать 1581 г., когда решением португальских cortesов испанский король Филипп II присоединил Португалию к своим владениям на основе личной унии. Так, через 25 лет после иконоборческого восстания 1566 г. и через 2 года после отпадения северной части Нидерландов от Испании *de facto*, открылся новый этап европейского колониализма. «Вслед за Португалией и Испанией видную роль в колониальной политике Западной Европы, до расцвета колониального могущества Англии, играла Голландия. С ее вступлением на арену колониальных приобретений начался 2-й так называемый «голландский» период заморской политики, который отмечен господством торгового принципа свободы морей» [10].

В 1585 г. Филипп II приказал сжечь голландский торговый флот в порту Лиссабона и запретил своим испанским и португальским подданным любые торговые контакты с республикой Соединенных провинций, что сделало для нее вопрос свободы торговли в испанских и португальских морях вопросом выживания. В начале XX в. исследователь колониальной политики Н. Борецкий–Бергфельд на этом основании заключил, что именно недоступность успешно освоенного прежде португальского рынка заставила голландцев начать поиски прямого выхода на Восток, т. е., несмотря на отсутствие колониальных амбиций, республика захватывает колонии, чтобы преодолеть экономические барьеры Филиппа II [11]. Но принимая 1581 г. в качестве отправной точки голландской колонизации, следует отметить, что действия испанского короля лишь подтолкнули лавину назревших событий. Для стабильного экономического развития в свойственных им формах хозяйствования Нидерландам так или иначе было необходимо приобретение собственных колоний, что стало возможным благодаря освобождению от власти Габсбургов. Теперь конкуренция с Испанией велась уже на равных, не скованная отношениями вассалитета. «Вторжение в колониальные владения Испании было логическим следствием восстания в Нидерландах. Это вторжение одновременно свидетельствует о том, что торговые интересы играли не последнюю роль в событиях этой эпохи, отражающих отдельные этапы торговой войны европейских наций, ареной для которой являлся весь земной шар» [12].

Внешняя торговля стала одним из основных источников первоначального накопления капитала для купеческой олигархии Нидерландов, причем ее специфика заключалась в срастании основных видов морского промысла: судоходства, торговли, пиратства и контрабанды. Уже в конце XVI в. голландцы проникают в Ост-Индию и широко применяют каперство. «Это являлось тем более необходимым, что не обладая хорошим военным флотом, чтобы нанести Филиппу II удар в открытом море, они были вынуждены прибегать к тому способу, который медленно, но систематически разрушал колониальную мощь Португалии... Принцип свободного моря был введен голландцами в основание не только их колониальной политики, но и политики международной вообще» [13]. Многочисленные и буйные отряды «морских гезов», оставшиеся без средств к существованию, были вновь направлены на служение национальным интересам — добыванию колониальных богатств.

В этой связи уместно вспомнить, что трактат «Свободное море...» был написан Г. Гроцием по поводу вызвавшего большой резонанс захвата адмиралом Ост-Индской компании Яковом ван Гемскером 25 февраля 1603 г. в Индийском океане португальского судна «Св. Катарина». Г. Гроций, выступавший в качестве адвоката компании, добился сохранения за ней добычи и признания незаконным запрета голландцам вести торговлю в Индийском океане, что дает последним право вести войну против португальцев. Впоследствии свобода мирного прохода военных кораблей через территориальные воды и свобода торговли стала одним из важных рычагов воздействия крупных морских держав в борьбе за передел мира, за господство в колониях и на морских путях [14].

Главным фактором быстрого обогащения и накопления капитала являлся успех отдельных каперов, а комплексное освоение морского промысла, находившееся в руках крупных предпринимателей. Сочетая колониальную торговлю с ситуативным пиратством и контрабандой, а также занимаясь «торговлей с врагом» (например, снабжением воюющей в Нидерландах испанской армии или поставками леса из Гамбурга для строительства Непобедимой армады), они получали на порядок более высокие доходы, чем мелкие каперы (даже без учета рисков) [15]. «К исходу XVI в. определились отчетливо не только замыслы правительств Испании и республики, но и накопился достаточный опыт, а он показывал, что купеческая олигархия, управляющая динамично развивающейся республикой, настойчиво рвется на океанские просторы и в колонии, превыше всего ставя интересы личной наживы» [16].

К. Маркс, для которого в его главном труде «Капитал» вопросы международных отношений не занимали центрального места, тем не менее четко обозначает, исследуя генезис капитализма в целом по Европе, исходную точку первого экономического передела в масштабе всей планеты. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы суть первые моменты первоначального накопления. За ними следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. **Война эта началась отпадением Нидерландов от Испании...** (выделено мной. — С.В.)» [17]. Далее он подчеркивает неразрывную связь колонизации заокеанских территорий с развитием капиталистического хозяйства, ставшего доминирующим благодаря революции: «История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII в. — дает нам непревзойденную картину предательства, подкупов, убийств и подлостей... опустошение и обезлюдение следовали везде, куда только ни ступала их нога... Колониальная система способствовала форсированному росту торговли и судоходства. Общества-монополии были мощными рычагами концентрации капитала» [18]. В своей колониальной политике республика Соединенных провинций действительно про-

являла не больше гуманизма, чем феодальная Испания. Кроме пиратства и контрабанды получила широкое распространение непосредственно связанная с ними работорговля. Ее начало в голландском хозяйстве А.Н. Чистозвонов относит к 1619 г., а уже в 1621–1624 гг. под эгидой Вест-Индской компании только в Бразилии было продано свыше 15 тыс. негров, в 1641 г. только из района Конго было вывезено 15 тыс. рабов. Расцвет голландской работорговли приходится на вторую половину XVII в., когда было продано в общей сложности более полумиллиона негров, и лишь к концу XVIII в. ее оттеснили на 3-е место Англия и Франция [19]. Опорными пунктами голландской работорговли у берегов Вест-Индии стали отвоєванные у Испании и Португалии острова Санта-Крус, Кюрасао, Боней и др.

Деятельность, энергия голландских купцов была поразительной по своему размаху и не виданной в эпоху феодализма, что давало им заметное преимущество. «Располагая прекрасным транспортом, используя дешевый (около 4 % в год) долгосрочный кредит, они подавляли любую конкуренцию иноземных купцов и чувствовали себя в их странах хозяевами: в массовых количествах они скупали продовольствие и готовые изделия во Франции, сахар и табак во французской Вест-Индии, полностью контролировали внутреннюю и внешнюю торговлю Швеции, обеспечив прямые рейсы оттуда и из Архангельска в Ливорно, Венецию, Лиссабон и Кадис» [20].

Ведущую роль в экономике республики Соединенных провинций (и, в частности, в колониальной торговле) играл Амстердам, где после восстания 1578 г. к власти пришли революционно-кальвинистские фракции местного купечества. Блокада устья Шельды, парализовавшая антверпенскую торговлю, окончательно утвердила его в роли лидера капиталистического развития Нидерландов, мирового центра торговли и кредита. Будучи основным узлом морских коммуникаций, Амстердам располагал мощным морским и речным флотом, товарной и фондовой биржей, в 1598 г. было создано страховое общество, а в 1609 г. открыт банк, целью которого провозглашалось устранение завышения курса и содействие предпринимательству [21].

Также можно считать новым явлением в мировой экономике торговые кризисы, поразившие Нидерланды ранее других стран. Например, в 1634–1638 гг. произошла «тюльпановая лихорадка», когда луковицы этого цветка, завезенного из Турции в 1554 г., приобрели значимость не только ходового товара, но и финансового обязательства, изначально им не присущую. Спекулянты наживались на перепродаже редких экземпляров, за которые люди были готовы платить огромные деньги, надеясь вернуть их с прибылью. «Все эти безумные спекуляции привели к самой плачевной развязке. В 1637 г. настал внезапный поворот в общем настроении. Разразилась паника, доверие исчезло, заключенные условия были аннулированы... Прошло много лет, прежде чем страна оправилась от удара и торговля излечилась от ран, нанесенных ей тюльпаноманией» [22].

Особую роль в утверждении господства частного капитала, в подготовке революции в Нидерландах, а также в последующей торговой экспансии сыграл кальвинизм, ставший более удобной идеологией для предпринимательских слоев, чем традиционный католицизм. По учению Кальвина, к какой бы профессии человек ни принадлежал, он должен работать с полной отдачей, добиваться успеха и тем самым доказать, что именно он является Божьим избранником и предопределен к спасению. Все средства обогащения являются дозволенными и богоугодными. Кальвин поощрял мирской аскетизм и выступал против расточительности дворянства. По мнению крупнейшего специалиста в области взаимозависимости Реформации и установления капитализма Макса Вебера, кальвинизм оказался в данном аспекте эффективен более других направлений протестантизма. «Уже испанцы XVI в. отмечали, что ересь, т. е. нидерландский кальвинизм, способствует развитию торгового духа, и немецкий ученый Нового времени Готейн был прав, когда солидаризировался с ними и называл кальвинистскую диаспору «школой капиталистического хозяйства»... Во всех течениях протестантизма выступает одна и та

же особенность: персональное совпадение виртуозной капиталистической деловитости с самыми интенсивными формами набожности, пропитывающей и регулирующей всю жизнь данных лиц и групп» [23]. Если в католицизме преобладает снисходительное отношение к расточительству, которое знать оправдывает необходимостью соблюдения престижа «дворянской чести», то в восприятии ортодоксального протестанта человек существует для приобретательства, которое является целью его жизни, а не приобретательство служит человеку как средство удовлетворения его материальных потребностей.

Причем внутри нидерландского кальвинизма выделялись враждебные течения арминиан, выступавших за большую веротерпимость и отказ от жесткой трактовки догмата о предопределении в собственно религиозном отношении, и за скорейшее прекращение войны, мешающей торговле, прежде всего внешней, и гомаристов, стоявших за ортодоксальный кальвинизм и за продолжение войны с Испанией. Арминианское течение было представлено прежде всего купеческой олигархией во главе с великим пенсионарием Голландии Я. Олденбарневелтом, а гомаристское — мелкой буржуазией, городскими низами и обедневшим дворянством, поддерживавшим объединительную политику штатгальтера Морица Оранского [24]. Победа гомаристов в 1619 г. объективно способствовала ослаблению колониальной экспансии в пользу продолжения освободительной войны, т. е. общенациональные интересы возобладали над частнособственническими, но поскольку колониальной торговлей занимались практически независимые от государства компании, на общий характер колониальной политики это не повлияло.

Проникновение голландских купцов в испанские и португальские колонии началось в 1560-е годы через систему фиктивных разрешений и с помощью других уловок, а с прекращением испанского господства эти паллиативы уступили место открытой конкуренции. После запрета Филиппа II на торговлю с Нидерландами 1585 г. голландцы сначала плавали в Португалию под чужим флагом, но уже в 1592 г. тайный агент Хаутман получил задание уточнить в Лиссабоне морской путь в Ост-Индию, а в африканские порты голландцы плавали самостоятельно и раньше. В 1594 г. основана первая компания по заморской торговле — «Компания ван Ферре». Деятельность, приносившая громадные барыши, была развита и другими: лишь за 1598 г. в Ост-Индию отплыли 22 корабля. Поскольку многочисленные компании по отдельности не обладали необходимыми для массивной экспансии активами, в 1602 г. по образцу возникшей двумя годами ранее английской Ост-Индской компании была создана Ост-Индская компания республики Соединенных провинций, получившая монополию на торговлю в Индийском океане и широчайшие полномочия [25].

Влияние португальцев в Индии оказалось, несмотря на столетнюю традицию освоения, весьма непрочным, а ненависть к ним местного населения столь сильна, что наладить собственные контакты не составило для голландцев труда, и с рубежа XVI–XVII в. они получали индийские товары из первых рук. Обладая огромными экономическими ресурсами, которые требовали выгодных вложений, голландские купцы активно приступили к вытеснению конкурентов с ключевых колониальных позиций. В 1637 г. они отняли у Португалии Молуккские острова (наиболее богатое владение на Востоке). Параллельно они осваивают позиции в Западной Африке и Южной Америке, подрывая позиции португальцев в данных регионах и нанося им огромный ущерб. В течение 1635–1640 гг. к республике Соединенных провинций переходят значительная часть Цейлона, лучший порт Гвинейского залива Эль Мина, часть побережья Бразилии [26]. Таким образом был обеспечен торговый маршрут голландских судов до Южной Африки (Капстад), затем — в Индию и Индонезию (Амбойна) и, в перспективе, — в Китай и Японию (Нагасаки).

Чтобы сохранить под натиском столь активного противника хотя бы часть заморских владений, Португалия пошла на заключение с ним мирового соглашения во избежание дальнейших военно-финансовых издержек и для обеспечения вза-

имной поддержки в колониальной политике. После разрыва португальской унии с Испанией в 1641 г. был заключен Гаагский договор, по которому за республикой Соединенных провинций оставались все уже захваченные ею территории португальских колоний, а бразильские товары запрещалось возить иностранными судами, кроме голландских. Поскольку у только что освобожденной Португалии своего флота не было, это фактически означало монополию на бразильскую торговлю. В обмен республика обязалась поддерживать Португалию в случае войны с третьей державой силами двадцати полностью оснащенных кораблей [27]. Так как договор вступал в силу через 1 год после заключения, голландцы успели заодно захватить весь Цейлон, Малакку, Анголу и т. д. «Таким образом, с течением времени роли меняются. Господствовавшая ранее на Востоке и пользовавшаяся там безграничными привилегиями Португалия переносит теперь центр тяжести своей колониальной политики на Запад, а ее исключительное место в торговле с Индией займет Голландия, быстро возвысившаяся на этом пути заморских приобретений» [28].

Борьба республики Соединенных провинций с Испанией и Португалией продемонстрировала явную слабость последних перед стремлением к наживе энергичных и предприимчивых голландских дельцов, поставивших под свой контроль внешнюю политику молодого государства. Но к концу XVI в. обозначились серьезные противоречия с Англией, крепнущее купечество которой также рвалось к колониальным богатствам, что оказалось гораздо опаснее для голландцев. Находясь в сходном географическом положении, обе страны претендовали на лидирующее положение в морских перевозках. Их отношения, как отмечает А.Н. Чистозонов, «характеризовались сочетанием притяжения и отталкивания, известной общностью и, одновременно, все нарастающей противоречивостью интересов... Именно здесь завязывался тот гордиев узел колониальных противоречий, который был разрушен мечом в серии англо-голландских войн середины XVII в. Пока же происходили довольно острые эпизодические конфликты между республикой и Англией. Они принимали различные формы — дипломатические декларации, временные сепаратные переговоры и соглашения, в том числе торговые, каперство, то маскируемое лицемерными опровержениями, то откровенное и массовое с обеих сторон...» [29].

Будучи в конце XVI в. монархией, Англия тем не менее поддерживала повстанцев в Нидерландах, так как была заинтересована в ослаблении Испании. Кроме того, оккупация Нидерландов войском герцога Альбы и его попытка ввести разорительные для торговли налоги привели к дезорганизации находящегося там центра мировой торговли, что было расценено в Англии как угроза собственным экономическим интересам и государственной безопасности [30]. В 1598 г., по окончании войны с Испанией, Англия заключила с республикой Соединенных провинций оборонительный союз, а в 1608 г. вместе с Францией гарантировала 12-летнее перемирие и безопасность республики.

Но уже в начале XVII в. обозначается их экономическое противоборство, среди мотивов которого С.И. Архангельский выделяет следующие:

— в мае 1609 г. прокламация Якова I ограничила рыбную ловлю голландцев у британских берегов: иностранцам для рыбного промысла нужно было получить особое разрешение и уплатить 10%-ю пошлину;

— в 1613 г. Московская компания Англии получила от короля монопольное право на китобойный промысел у берегов Шпицбергена и Гренландии, но это решение встретило противодействие голландских китоловов (обе стороны прибегли к вооруженной охране);

— в 1615 г. вспыхнул конфликт на почве конкуренции в производстве сукна: из Англии был запрещен вывоз шерстяного сырья, которое ранее питало нидерландские мануфактуры и, превращаясь в дорогостоящий конечный продукт, скачкообразно обогащало Соединенные провинции;

— но наиболее ожесточенное соперничество, вылившееся в войну на суше и на море, возникло из-за конкуренции английской и голландской Ост-Индских компаний [31].

В Англии выходили памфлеты, обличающие голландцев в стремлении захватить всю морскую торговлю и транспорт, чтобы стать «новыми господами моря». Генеральные штаты республики Соединенных провинций предъявляли иски на действия английских каперов. Переговоры в Лондоне и Гааге в 1613 и 1615 гг. (в том числе и с проектом слияния обеих Ост-Индских компаний) результатов не дали. Лишь в 1619 г. состоялась решающая конференция с участием как дипломатов, так и представителей компаний, на которой был провозглашен принцип взаимопомощи (торговой, военной и организационной). Англия получала 1/3 в торговле пряностями в ост-индских владениях республики и свободу торговли в других частях Индии и Китая. По словам С.И. Архангельского, «трудно найти дипломатический документ, более откровенно выражающий задачи и средства колониального господства двух торговых компаний, стремящихся объединиться во имя совместного колониального грабежа» [32]. Когда в Индии было получено известие об этом договоре, там уже шла открытая война, а заключенный все же мир оказался короткой передышкой, ибо уже в 1623 г. произошла так называемая «амбойнская резня», избиение голландцами в Амбойне английских купцов, проникших в их владения в соответствии с соглашением 1619 г. [33]. Только общие антииспанские интересы удержали государства от ширококомасштабной войны.

В 1621 г. окончилось 12-летнее перемирие и возобновилась война Соединенных провинций с Испанией. Тогда же была основана Вест-Индская компания, получавшая главные доходы не от торговли и предпринимательства, а от пиратства на морских путях (за 50 лет было захвачено более 500 кораблей). «Богатства Испании переходили в руки голландцев — соперников английских купцов, ускользали от последних вследствие колеблющейся, склонной к миру и даже союзу с Испанией политики Стюартов» [34].

Ситуация кардинально изменилась после свержения королевской власти в Англии и установления протектората Кромвеля, который под флагом борьбы с католицизмом повел очень агрессивную колониальную политику. Английское купечество, опираясь на всю мощь государства, получило возможность взять у голландцев реванш, добиться паритета (а затем и явного превосходства) после принятия Навигационного акта 1651 г., победы в англо-голландской войне 1652–1654 гг. и перехвата привилегий в бразильской торговле 1654 г. В дальнейшем преимущество Англии лишь углублялось. Мощная промышленная база Англии создавала более прочный фундамент экономики, нежели голландская посредническая торговля. Располагая преимуществом в технологическом процессе и финансовых возможностях, Англия захватила лидерство на морях и оттеснила республику Соединенных провинций на второй план. Но в конце XVI — первой половине XVII в. именно их совместная борьба с Испанией, открывшаяся Нидерландской революцией, определяла направление европейской колониальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

¹ Чистозвонов А.Н. Судьбы раннего капитализма в республике Соединенных провинций // Новая и новейшая история, 1972. № 4. С. 89.

² Он же. Процесс первоначального накопления в период Нидерландской революции XVI в. и в республике Соединенных провинций // Новая и новейшая история, 1981. № 3. С. 65.

³ Он же. Судьбы... С. 90.

⁴ См. подробнее: Денисов А.И. Гуго Гроций о праве // Гуго Гроций. О праве войны и мира. М., 1948. С. 1–15; Кравченко Н. Гуго Гроций // Право и жизнь, 1925. № 9–10. С. 106–123; Пресс А. Гроций. О праве войны и мира. СПб., 1902. С. 3–8 и др.

- ⁵ Грабарь В.Э. Трактаты Гуго Гроция, посвященные международному праву // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. М., 1946. № 1. С. 47.
- ⁶ Лозинский С.Г. История Бельгии и Голландии в Новое время. СПб., 1912. С. 52.
- ⁷ Чистозвонов А.Н. Нидерландская буржуазная революция XVII в. М., 1958. С. 169.
- ⁸ История дипломатии. М., 1959. Т. 1. С. 232–233.
- ⁹ Борецкий-Бергфельд Н. Колониальная история западноевропейских континентальных стран. СПб., 1914. С. 126.
- ¹⁰ Там же. С. 123.
- ¹¹ Там же. С. 127.
- ¹² Чистозвонов А.Н. Нидерландская... С. 174.
- ¹³ Борецкий-Бергфельд Н. Указ. соч. С. 130.
- ¹⁴ См. подробнее: Мелков Г.М. Право мирного прохода через территориальные воды // Актуальные вопросы современного международного права. М., 1985. С. 47.
- ¹⁵ Чистозвонов А.Н. Процесс... С. 71–72.
- ¹⁶ Он же. Крестные отцы нидерландской Ост-Индской компании // Новая и новейшая история, 1976. № 4. С. 131.
- ¹⁷ Маркс К. Капитал. М., 1988. Т. 1. С. 760.
- ¹⁸ Там же. С. 761, 763.
- ¹⁹ Чистозвонов А.Н. Судьбы... С. 94.
- ²⁰ Там же. С. 93.
- ²¹ Чистозвонов А.Н. Нидерландская... С. 176.
- ²² Вирт М. История торговых кризисов в Европе и Америке. СПб., 1877. С. 6.
- ²³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные труды. М., 1994. С. 68.
- ²⁴ Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 746.
- ²⁵ Чистозвонов А.Н. Крестные отцы... С. 133–134.
- ²⁶ Борецкий-Бергфельд Н. Указ. соч. С. 129.
- ²⁷ Там же. С. 48.
- ²⁸ Там же. С. 52.
- ²⁹ Чистозвонов А.Н. Крестные отцы... С. 131–132.
- ³⁰ Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии Нового времени. Мн., 1984. С. 146.
- ³¹ Английская буржуазная революция XVII в. М., 1954. С. 111.
- ³² Там же. С. 112.
- ³³ Там же. С. 120.
- ³⁴ Там же. С. 132.